

Б И Б Л И О Т Е К А



ОГОНЁК

№ 13

1975



Марк ЛИСЯНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

М О Я А К А Ц И Я

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Марк ЛИСЯНСКИЙ

МОЯ АКАЦИЯ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1975

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Марк Самойлович Лисянский родился в 1913 году в Одессе, но родным городом считает Николаев. Детство и юность, школа, фаб-зауч, завод, комсомол, первые напечатанные строчки — все это Николаев.

После фабзауча работал на судостроительном заводе, строил корабли. Окончил Московский институт журналистики.

Во время войны был командиром саперного взвода, редактором дивизионной газеты «В бой за Родину», спецкором фронтовой газеты. Награжден в 1943 году орденом Красная Звезда, в 1973 году — орденом Трудового Красного Знамени.

Первая книга стихов «Берег» вышла в 1940 году. После нее издано более двадцати книг, среди них — «От имени Черного моря», «Золотая моя Москва», «Здравствуй!», «Дивный город», «Такое время», «Лучшие годы мои», «Все сначала», повесть в стихах «Петя Клыпа», книга стихов о Ленине «Навсегда», «Песни на стихи Марка Лисянского», «Избранное».

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Февральский день. Морозец легкий.
Вокруг бело. Идти легко.
И свежесть утренняя в легких,
И воздух пьешь, как молоко.
Под синим солнцем снег искрится.
Какая в мире благодать!..
Я мог бы просто не родиться
И этот день не увидеть.
Я мог бы рухнуть в Сорок Третьем
От минометного огня.
И снег бы падал на рассвете
И тихо таял без меня.
Февральский день.
Идешь и дышишь,
И звон стоит в твоих ушах,
Но все отчетливее слышишь
Свой каждый шаг,
Свой каждый шаг.
По первопутку след заметен,
Снег забелил всю землю сплошь.
И ты живешь на белом свете
И понимаешь, что живешь.

Я ПРИЕЗЖАЮ В ГОРОД НИКОЛАЕВ

Я приезжаю в город Николаев,
Иду один по улице Сенной.
Со мною шум акаций,
Звон трамваев,
Но молодости нет уже со мной.
Ах, жизнь, твои пути необратимы,
Но нам они и в смертный час видны.
Я приезжаю к другу-побратиму,

Он не вернулся до сих пор с войны.
Я приезжаю в собственное детство,
Которого по всем приметам нет,
Я приезжаю в милое соседство
Девчонки, чей давно затерян след.
Как медлит поезд пассажирский,
Скорый!
Как устарели нынче поезда!..
Я приезжаю к матери, которой
Нет и не будет больше никогда.
И все-таки я еду, еду, еду
И все-таки спешу, спешу, спешу
По вечно зеленеющему следу —
Пока живу,
Пока дышу!

* * *

Возвращаться в те места,
Где ты молод был,
Печально.
Все, что там,— первоначально:
И любовь и красота.

Возвращаться в те места,
Где ты молод был,
Опасно:
Там тебе предельно ясно,
Кем ты был и кем ты стал.

Возвращаться в те места,
Где ты молод был,
Приятно.
В юность нет путей обратно,
Но с тобой твоя мечта.

АКАЦИЯ

Акация!
Весь Николаев
Тобой пропах,
И светлыми улицы стали,

Тобой озаренные.
Сияют деревья
Под кипенью белых папах,
Помолодевшие,
В город весенний
Влюбленные.

Вдыхаю
Бесценный и редкостный
Этот букет
И медленно пью
Твои слезы,
Чуть-чуть горьковатые.
И снова мне
Десять, двенадцать,
Четырнадцать лет...
Ах, годы!
Они предо мной —
Без вины виноватые.

Забыты давно
И свои и чужие грехи,
Но в памяти нашей
То время навечно останется,
Когда из акаций
Мы делали в мае духи
И в сентябре их дарили
Девчонкам-избранницам.

Иду сквозь деревья
Под радугой майского дня,
Вся в белом Сенная,
Родная до камешка
Улица.
Вот и акация,
Которая помнит меня
И которая мной
Никогда и нигде
Не забудется.

Прощаемся с маем,
Встречаем с тобою июнь,
Акация,
Ты — моя спутница
Самая лучшая,

Белая, белая,
Как метель
И как лунь,
И такая цветущая,
И такая колючая...

МОЯ ФИЛОСОФИЯ

Человек богат
Не наследством,
А своим босоногим
Детством.

Человек богат
Не вещами,
А дорогами —
За плечами.

Человек —
Понимаете сами! —
Не рублями богат,
А друзьями.

И живет человек
Не по средствам
С неразменным
Этим наследством.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Мы уходим из тесных пеленок,
Из недавнего детского лепета.
Несмысленный и гадкий утенок
Превращается в белого лебедя.

Изменяется он постепенно
И душою, и статью, и обликом.
Плавал в лужице с мыльной пеной,
Поднимается с мраморным облаком.

Будто в мире нет лучшего средства,
Чтобы с облаком меряться силою.

Это мы улетаем из детства
Со своею мечтой белокрылою.

Это мы улетаем в надежде,
Что мы землю прославим любимую
И свершим вознесение прежде,
Чем споем в небесах лебединую.

НА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕМ КИЛОМЕТРЕ

На двадцать третьем километре
По Ленинградскому шоссе,
Где только вехи, только ветры
И нависающие ветви —
То в снежной пене, то в росе,
Стоят открыто перед всеми
У беспощадной той межи
Противотанковой системы
Окаменевшие ежи.
Они совсем недавно встали,
Направив брусья в облака,
Не на земле — на пьедестале
И не на день, а на века.
Они стоят, как перед немцем,
Как перед танком в том году,
Стоят с моим притихшим сердцем
В одном строю,
В одном ряду.
Здесь некий младший лейтенант,
Зарывший в землю свой талант,
Лежал в окопе перед боем,
Перед минированным полем.
А позади была столица,
А позади была Москва,
И он Москве шептал слова:
«Врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова!..»
И он не знал, что станут песней,
Что станут клятвой те слова
И что назначит встречу здесь с ней,
С той самой песнею, Москва.
И на граните, на граните
Прочтет он эти две строки
Его души, его руки,—
Вы только правильно поймите!

Его пронзят бывлые ветры,
Он тронет веточку в росе —
На двадцать третьем километре
По Ленинградскому шоссе.

СПЯТ НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Спят неизвестные солдаты
На самых главных площадях
Почти во всех столицах мира,
Хотя не числились в вождах.

Пред их могилами святыми,
Пред синим жертвенным огнем
Стоял я в Риме и в Париже,
Стою в Москве осенним днем.

Вкруг александровские липы
Склоняют желтую листву.
И кажется, что входит вечность
В сиюминутную Москву.

И кажется, что в той могиле,
У той прославленной стены
Лежит мой друг Борис Магнезин,
Погибший в первый год войны.

О если бы сегодня встали
Из безымянных тех могил
Все неизвестные солдаты,
То каждый рядом с другом был.

И мы бы, друг мой, как бывало,
Пошли осеннею Москвой,
И нас бы дочери встречали,
Внучат подняв над головой.

Мне жить без этого виденья,
Без этой верности нельзя.
Все неизвестные солдаты —
Мои известные друзья!

Я с ними шел в огонь и воду,
По минным тропам и полям,

И жизнь мы поровну делили
И славу делим пополам.

Вертись, планета, осторожно,
Лети в снегах,
Лети в дождях.
Спят неизвестные солдаты
На самых главных площадях.

ЗАПАДНАЯ ДВИНА

*Товарищам по 243-й стрелковой
дивизии Калининского фронта*

Речка Западная Двина,
Мне твоя неизвестна длина,
Но известна твоя глубина
И знакома твоя ширина
Там, где встал из далекого сна
Город Западная Двина.

Шла Отечественная война.

Каждый шаг ее,
Каждый шаг
По земле, простертой в огне,
Отдавался громом в ушах,
Отзывался стоном во мне.

До деревни одна верста,
Мы идем к деревне давно.
За речной полосой — высота
Под названием Ильино.

Мы идем.
Мы бежим.
Мы ползем.
А верста — словно сорок верст.
Чернозем — уже краснозем,
И горит перед нами мост.

А команда одна:
— Вперед! —
И огонь нас в клещи берет.

И дивизия — вплавь и вброд,
И двинская вода как лед.

И вовсю матерится солдат,
Так, что пуля обходит мат...

Нас пронзает огонь и лед,
На войне это значит — ад.
А команда одна:
— Вперед!
А приказ:
— Ни шагу назад!

Это трудно даже во сне,
Это страшно даже в кино.
На войне как на войне —
Мы дошли до тебя, Ильино!..

Это было давным-давно.

Много лет унесла вода,
Речка Западная Двина.
Мы приехали снова сюда,
Город Западная Двина,
Где так тяжело шагала война.

Мы — оставшиеся в живых,
Побывавшие в том огне,
Уцелевшие на войне
Три товарища фронтовых!

Мы, питомцы одной судьбы,
Нас бросавшей и вплавь и вброд,
Собираем нынче грибы
Возле западновинских вод.

Мы идем тропой до реки,
И сквозь гущу еловых лап
Нас приветствуют боровики
Взмахом темно-пунцовых шляп.

На леса, на поля окрест
Мы безмолвно глядим с моста.
Мы из разных приехали мест
В эти памятные места.

Встал закат завесой огня,
Под огнем — знакомый маршрут...
Там, где шли мы четыре дня,
Мы идем пятнадцать минут.

Высота опять впереди,
Мы пути выбирать вольны.
Как легко по земле идти,
Если нет на земле войны!

В ГОРОДЕ ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКЕ

*Ивану Семенче, чей комсомольский
билет, залитый кровью, хранится в Му-
зее комсомольской славы*

В городе Днепродзержинске,
На улице Медицинской,
Где шрамы войны не видны,
Есть госпиталь инвалидов
Отечественной войны.

Здесь вздохи, и крики, и стоны,
Здесь падают и встают
И в смертном бою
Не сдают
Священные бастионы.

Колышется сумрак ночной,
Белеет чья-то рубаха...
И вдруг раздается:
— За мной! —
И падает навзничь рубака.

И вновь поднимается он,
В атаку ведет батальон —
И день наступает победный.
Но снова сквозь боль
И сквозь сон:
— «Это есть наш последний!..»

Друг мой Иван Семенча
Недруга рубит плеча.

Двести однополчан,
Братство судеб и ран!
Каждый за жизнь сражается,
Потому что она —
Одна.

Здесь еще продолжается
Отечественная война.

Здесь гибнут,
Но не сдаются,
И видно сквозь эти бои,
Какой ценой достаются,
Россия,
Победы твои!

ГРОЗА

Идут эшелонами тучи
Сквозь гром и огонь напролом,
Обняв приозерные кручи
Своим темно-синим крылом.
Но прежде, чем вырасти в птицу
С крылами во весь горизонт,
И туча была с рукавицу,
И облачко было, как зонт.
Из мглы, из рассветного гула,
Из детства, минуя года,
Шагает гроза от Ингула,
От Черного моря сюда.
Идут эшелонами тучи,
И капли еще не всерьез
Блеснули на ивах плакучих,
Набрякших от собственных слез.
И тут же с душою незлою
Гроза опрокинула груз
И небо связала с землею
Миллионами радостных уз.
И радуга в плавни Ингула
Отсюда метнула струю,
И липа в окно протянула
Душистую ветку свою.
Легли невесомые тонны
На белые плечи берез.
Июнь разгружал эшелоны
На станции нашей Семхоз.

СОСНОВЫЙ ДОМИК

Сосновый домик у дороги,
Одно окно — взамен дверей.
Живут в том домике не боги,
И нет в том домике людей.
С дороги пыль сюда несется,
А с неба — дождь, и снег, и град,
И нет спасения от солнца,
И от метелей нет преград.
Но как за каменной стеною —
За деревянную стеной.
Здесь пахнет сыростью речною
И свежеструганной сосной.
Порой в деталях мало проку,
Но загляну я в этот дом:
У барабана ручка сбоку,
На барабане цепь с ведром.
Сюда протоптаны дорожки,
Идет деревня вся сюда.
Живет в том домике-сторожке
Артезианская вода.
Под легкой кровлею сосновой
На дне хранится серебро.
Звенит прохладой родниковой
Тяжеловесное ведро.
Звенит веселая водица,
Здесь берегут ее, притом
В том смысле, что, как говорится,
Не плюй в колодец — пригодится
Еще не раз воды напиться —
Не в переносном, а в прямом!

В ГОСТЯХ У ПЧЕЛОВОДА

Под высокой крышей небосвода
Среди яблонь и гудящих пчел
Я живу в гостях у пчеловода,
Кто всем жизням — эту предпочел
Жизнь, где в малой капельке нектара
Из благоухающих громад

Всех цветов и трав земного шара
Заклучен волшебный аромат.
Здесь живут одним всеобщим братством
На любых путях и скоростях.
Я б назвал великим государством
Пасеку, где нынче я в гостях.
Вылеплены соты.
Воском клейким
Потолок скреплен, заделан пол.
В каждом домике одна семейка
Из шестидесяти тысяч пчел.
Сами строят,
Сами чистят дом свой,
Делают уютным этот дом,
Учат уму-разуму потомство
И гордятся собственным трудом.
И стоит в саду дворец веселый
И гудит, звенит, поет с утра.
На посту — сторожевые пчелы,
И рабочим пчелам — в путь пора.
Где-то ждут их травы полевые,
Ждет гречиха, белый клевер ждет.
Танцы затевают круговые
Перед тем, как тронуться в полет.
Им дорога здешняя знакома,
Луг желтеет за речной каймой...
Быстро удаляются от дома,
Медленно летят они домой.
Усики дрожат, спина устала,
Ноша и сладка и тяжела.
В двух шагах от пасеки упала
Под медовой ношею пчела.
Круглые глаза свои открыла,
Выпукло сияет синева.
В жилках перепончатые крылья,
В треугольной шляпе голова.
И ползет упорно, что есть мочи,
К дому по дорожке по сырой.
А уж там семья ее хлопочет,
А уж там вокруг матки пир горой,
Льется мед пахучий, сладкий, вязкий,
Переполнены ячейки сот,—
Льется, льется, льется, словно в сказке,
По усам течет, течет, течет...

ТЕПЛОХОД

Теплоход!
Я слез не скрою,
Если вдруг прочту
Чье-то имя дорогое
На твоём борту.
Я махну рукой:
— Счастливо! —
Взглядом провожу.
— Это очень справедливо! —
Я тебе скажу.
Лучшей памяти не надо,
Да и лучшей — нет.
Что гранит и что награда!..
За кормою — след,
Чайки выются за кормою...
Ты — мой друг и брат.
Над кильватерной каймою
Имя — как набат.
Ты с волною в долгом споре
Пенишь вензеля.
Впереди — земля и море,
Море и земля!
В сердце ветер всех событий,
Плащ от брызг намок.
Так бы жить!..
Вы не считите
Это за намек.

БУБЕНЧИК

Мы в горы поднимаемся. Закат
Пронизывает сосны и чинары
И, смешивая бронзу и агат,
Ложится тотчас на море пожаром.
А мы все дальше от земных тревог,
А мы все выше — корни, как ступени.
И камешки уходят из-под ног,
И все длинней таинственные тени.
Струится свежей хвоей тишина,
И дышится легко и бескорыстно,
Роняет шишку старая сосна,
И вдруг бубенчик прозвучал, как выстрел.

Валун пред нами будто монолит,
А на его возвышенности дикой
Буренушка с бубенчиком стоит
И лакомится черной ежевикой.
Колючий куст, а ягода вкусна,
Ее она не зря найти старалась.
А бубенец на шее, чтоб она,
Буренушка, в горах не затерялась.
А горы неприступны, как форты,
Над бездной скалы в трещинах нависли.
На высоте к тебе приходят мысли,
С которыми внизу расстался ты.
Что может быть прекраснее, когда
Под самым небом зеленеют горы,
Внизу в прямых лучах горит вода,
И ноги ищут у земли опоры!
И вот она!..
Гляжу с горы крутой:
И выше небосвод, и море шире.
Поет в душе бубенчик золотой,
Чтоб нам не затеряться в этом мире.

МНЕ КАК-ТО НЕ ВЕРИТСЯ

Мне как-то не верится
В то, что земля
Под звездами вертится,
Ветром звеня.

Мне как-то не верится,
Что под луной
Отец мой не встретится
Больше со мной.

Глаза твои светятся,
Вместе мы вновь,
А мне все не верится
В эту любовь.

Былое доверие
Не по плечу,
За это неверие
Жизнью плачу.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Песни старой, песни славной
Не могу никак забыть:
«Все на свете девки равны,
Надо всех равно любить».

В этом есть крупица правды,
С нею каждый родился.
Девки были б очень рады,
Если б в этом правда вся.

Кто любовь свою измерил,
Тот чужой не прекословь.
...Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.

Видно, он, отец тот самый,
Позабыл, когда любил.
Своенравный и упрямый,
Он сказал, как отрубил.

Возражать отцу не просто,
И, красавицу любя,
Взял он шашку, взял он востру
И зарезал сам себя.

Он упал, рванувшись к двери,
Милый сын, родная кровь...
Вот тогда отец поверил,
Что на свете есть любовь.

Молча рухнула дивчина,
Поднялась — белым-бела.
У отца не стало сына,
А любовь ее была.

Жгли отца сыновьи раны,
На нее смотрел с тоской.
Все на свете девки равны,
Если б не было такой!

На могилу в дождь и ветер
Ходит, жребий свой неся.
Значит, есть любовь на свете,
Есть — и в этом правда вся!

* * *

*Памяти
Александра Павловича Долуханяна*

Ты родился для музыки и для любви,
Ты выбрал в ненасытные очи
Ереванские синие ночи твои
И мои черноморские ночи.

Ты шагал с непокрытой седой головой,
Ты летел, ты глотал километры,
По зеленой земле, по земле голубой,
А навстречу лишь звезды и ветры.

Журавли распластались, печально трубя,
И грустит журавель у колодца,
И тоскуют дороги твои без тебя,
И любимая ждет не дождется.

Как ты там ни крути, от людей ни таи,
Стали длинными -- были короче --
Ереванские синие ночи твои
И мои черноморские ночи.

СОРРЕНТСКАЯ ПЕСЕНКА

Сорренто, Сорренто, Сорренто!
Стоят в апельсинах сады.
Сорренто, Сорренто, Сорренто —
Улыбка жемчужной воды.

Сорренто — от слова сорризо,
Улыбка — его перевод.
В том слове дыхание бриза
И небо безоблачных вод.

Теснятся сады за оградой,
В Сорренто бушует весна.
И любит Кармелу Риккардо,
И любит Риккардо она.

Стоит у причала влюбленный,
Ее повелитель и паж,

В руке чемоданчик картонный —
Его немудреный багаж.

Погасла улыбка Кармелы...
Когда она вспыхнет опять!
Риккардо, и сильный и смелый,
Он едет работу искать.

На кофточке желтая лента,
Пунцовая роза не в счет...
— Вернись, мой Риккардо, в Сорренто! —
Кармела сквозь слезы поет.

Уже пароходик за кадром,
И берег похож на дугу...
На том пароходе Риккардо,
Кармела на том берегу.

Прощай же, Сорренто, Сорренто,
Где морем я нынче дышу,
Сорренто, Сорренто, Сорренто,
Где песенку эту пишу!

АФРОДИТА

Она выходила из пены,
Из утренней свежей воды.
Себя обнажив постепенно,
Пошла, оставляя следы
На теплых прибрежных камнях,
И каплями пела вода
На лбу, на плечах, на коленях,
И тело не знало стыда.
И линии бедер округлых
Естественной шли крутизной,
И в двух полушариях смуглых
Весь шар повторялся земной.
Ложбинка темнела над сводом
Высоко поставленных ног.
И этому чуду природы,
Бесспорно, завидовал бог.
Себя оглядев, Афродита
Легла на отвесной скале,
И небу и морю открыта,
Земная, как всё на земле.

Подвластный блаженному мигу,
Вид женщины той выражал
Святое доверие к миру,
Который ее окружал.

СТАРИННЫЙ РОМАНС

Домик старенький твой лишь во сне посещаю,
Твой сиреневый сад вспоминаю весной.
И старинный романс я тебе посвящаю,
Потому что давно это было со мной.

А тогда я не смел в этот дом постучаться,
А тогда я не смог твой порог перейти.
В том волшебном году было нам по семнадцать,
В том весеннем саду было все впереди.

Я из детства ушел, как уходят из сада,
Ты покинула юность — свой дом голубой.
Миновали года, и под шум листопада
Все мне кажется: жду я свиданья с тобой.

Домик старенький твой лишь во сне посещаю,
Твой сиреневый сад вспоминаю весной.
И старинный романс я тебе посвящаю,
Потому что давно это было со мной.

АННА КЕРН

Ах какая счастливая женщина
Анна Керн!
Все досталось, что было обещано,—
От любви до измен.
Дружат старые липы с подростками,
Над прудами сады.
Из Михайловского в Тригорское
Убегают следы.
По знакомой дороге проселочной
Шли они не спеша.
Как смеялась она безоблачно!
Как сияла душа!
Он ей — сердце свое, не подсудное
Никакому ярму,

А она лишь мгновение чудное
Подарила ему.
Не попало бы сердце поэтово
В удивительный плен,—
Мы не знали бы имени этого:
Анна Керн!
Нет любви, если нет удивления,
Тут ничем не помочь.
Ночь над Островом Уединения,
И над Соростью ночь.
Лодка движется рядышком с месяцем,
Лодка делает крен,
А вода повторяет и светится:
Анна Керн! Анна Керн!
И гремит вся округа окрестная
В двадцать девять колен
Соловьями, садами, оркестрами:
Анна Керн! Анна Керн!
Анна Керн!.. Ей на счастье не сетовать —
Получила сполна.
А пожалуй, что именно этого
И не знала она!

ОТМЕЧАЛОСЬ, ОТЛЮБИЛОСЬ

Отмечталось, отлюбилось,
Отболело все давным-давно.
Даже имя вроде позабылось,
А ведь было музыкой оно.

Как звенело, как звучало,
Как входило песней в города!..
И казалось: будет лишь начало,
А конца не будет никогда.

БЫЛИ ВСТРЕЧИ И РАЗЛУКИ

Были встречи и разлуки,
Со слезами и без слез,
Лебедями были руки
И волной копна волос.
Были ночки озорные,
Сумасшедшие деньки,

Были письма заказные,
Телефонные звонки.
Были тары,
Были бары,
Со словами и без слов,
Семиструнный звон гитары
Про старинную любовь.
Были просьбы, и угрозы,
И стихи, и соловьи,
Были розы,
Даже розы,
Только не было... любви.

ЛЮБОВЬ

От Евы и Адама и до нас,
До журавля, зовущего подругу,
Любовь спешит вперед, а не по кругу,
Чтоб жизнь торжествовала каждый раз.

И мы с тобой любовь благодарим,
Она спасала нас, и не однажды,
От голода, от холода, от жажды,
Как мир седая,
вечная, как Рим.

Но чудо заключается как раз
В том, что любовь, столетия сменяя,
Приходит бесподобно молодая
Во всей красе и ослепляет нас.

Любви и волшебство и божество
В том состоит, что к нам она приходит
И на земле пустынной храм возводит,
В котором жизнь справляет торжество.

Я ЗАВИДУЮ

Ни к чему лицемерить,
И себя утешать,
И в душе где-то верить,
Что тебе — двадцать пять.
Что ты молод, как прежде,

Что душа молода,
Жить в наивной надежде,
Что года — не беда.
Время с временем спорит,
Не щадя бороды.
Говорят: не испортит
Старый конь борозды.
Ну, а все-таки, что там
Ни мудри и ни мерь,
Бесконечным заботам
Я подвластен теперь.
Мне беспечной походкой
Не пройти, как вчера.
Мне с девчонкой-красоткой
Не стоять до утра.
Час поспишь до завода —
В шесть гудок позовет,
И, хлебнув кислорода,
Ты идешь на завод.
Ты мечтаешь при этом,
Что промчатся года,
Знаменитым поэтом
Ты приедешь сюда.
Признаюсь — будь что будет! —
Не в обиду седым:
Я завидую, люди,
Молодым, молодым!

* * *

Тоне

Вот пришли и твои юбилей,
Не пришли, а нагрянули вдруг.
Наши головы побелели,
А земля зеленеет вокруг.

Мы проходим поляною летней,
Луговиной в цветах полевых...
На зеленом, конечно, заметней
Серебро паутинок твоих.

В этом местном раю с непривычки
Я шаги замедляю свои.

Пролетающей гром электрички
Заглушают твои соловьи.

А потом в незабудках небесных,
В самоцветах с озерного дна
Прямо к сердцу из таинств окрестных
Подступает твоя тишина.

И поляна чуть-чуть грустновата,
И смолкает листва надо мной,
И моя тишина виновата
Перед этой твоей тишиной.

10 июня 1970 г.

КОГДА МЕНЯ УЖЕ НЕ БУДЕТ

Когда меня уже не будет,
В последний раз вокруг меня,
Прервав дела, сойдутся люди:
Друзья. Знакомые. Родня.
Сомкнутся все мои дороги
На малой узенькой тропе.
С лицом молитвенным и строгим
Ты будешь тоже в той толпе.
Потом пойдешь,
Не обернешься,
Споткнешься, не заметив пня.
И без меня домой вернешься,
Как будто не было меня.
Я знаю: так оно и будет,
Я испытал такое сам.
А люди?.. Разойдутся люди
Отсюда по своим делам.

ЛЮСЯ ЛЕВИНА

В Доме книги,
В центре Ленинграда,
Люся Левина
Который год
Всем стихи вручает,
Как награду,—
Да, вручает, а не продает!

Так она вполне всерьез считает,
Так она и людям говорит.
Люся книжку автора читает,
Если даже он не знаменит.
Судит по стихам — не по портрету:
Тот — художник,
Этот — рифмоплет.
Ай да Люся!
Каждому поэту
Цену настоящую дает.
А еще она прекрасно знает
(С этим согласиться мы должны),
Что не может быть
И не бывает
Вовсе
У поэзии цены.
Продавать поэзию — кощунство,
Надо бы поэзию дарить,
Чтобы чье-то дремлющее чувство
Изнутри согреть и озарить.
А цена стоит на каждой книжке,
На обложке,
Позади, в углу.
Люся книжку продает мальчишке,
Расточая автору хвалу.
— Я не продаю,
А предлагаю,—
Говорит она,—
Да за гроши,
Целый том стихов
И полагаю:
Это антология души.
Самое святое человека,
Лучшее, что мог приобрести...—
Дома у нее библиотека,
А зарплата Люси — не ахти!
Но зато душа ее богата.
Возле книг толпятся женихи,
Потому что знают все ребята:
Любит Люся Левина стихи.
В день, когда Ахматовой не стало,
Среди книг повесила портрет,
Веточку зеленую достала,
Прикрепила...
Значит, смерти нет!

Нету, если у портрета люди
Собрались, печальны и тихи,
Если так самозабвенно любит,
Любит Люся Левина стихи!

ЧТО Б НИ СЛУЧИЛОСЬ

Ночь на последнем повороте,
Обозначается рассвет.
Вы на земле еще живете,
Меня уже на свете нет.

Шумят дожди, метут метели,
Преображая лик земной.
Над вами лебеди взлетели,
Точь-в-точь как раньше надо мной.

Я жил, бродяга и невежда,
От добрых дел не в стороне,
В душе моей была надежда,
Что кто-то вспомнит обо мне.

Вы ждете славы и успеха —
Приходит горе и беда.
А я от всех тревог уехал
И не вернусь к ним никогда.

Нет, я не бегал от работы,
Хлебнул все радости любви.
Ах, мне бы ваши все заботы,
Друзья живущие мои!

Что б ни случилось — жизнь прекрасна.
Согласны? То-то и оно!
И солнце льется понапрасну
В мое бездонное окно.

ТЕЛЕГРАММА

Николаю Николаевичу Михайлову

Письма чаще приносят в наш дом по утру,
Нам вручают и ночью и днем телеграммы.
Я боюсь телеграмм,
Я боюсь телеграмм,
Потому что на свете есть папы и мамы.

Я боюсь телеграмм, как боятся огня
Из нацеленных в душу незримых орудий,
Потому что повсюду друзья у меня,
Потому что есть просто хорошие люди.

Мы живем вопреки беспощадным ветрам
И от них не находим надежного средства.
Я немало таких получал телеграмм,
От которых в клочки разрывается сердце.

Я беру телеграмму — иначе нельзя, —
Подвергаюсь немедля смертельному риску.
Нет, она запечатана вовсе не зря,
И даром ее отдают под расписку,

Я боюсь телеграмм,
Я боюсь телеграмм
Среди белого дня,
Среди ночи крошечной,
Потому что беда мчится молнией к нам,
Ну, а радость плетется дорожкой неспешной.

Завтра ты вылетаешь навстречу судьбе,
Завтра встретимся мы...
С плеч — огромная глыба.
Говорю почтальону, тебе и себе:
— Всё в порядке...
Спасибо! Спасибо! Спасибо!

СТИХИ

Не надо стихам помогать,
Читать их надменно и пышно,
Как будто на землю всевышний
С небес ниспослал благодать.

Не нужен блаженный экстаз,
Молитв сладкопевных не надо.
Поэзия — это награда
За все, что есть лучшего в нас.

Не нужен продуманный жест,
Поставленный голос не нужен,
Он может быть даже простужен,
Но будет услышан окрест.

Открытый, доверчивый взгляд,
Мы, дескать, и сами с усами,
Стихи о себе скажут сами,
Они за себя постоят!

ОТ СВОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Вездеход тайгу таранит,
Хвойной горечью дышу...
От своих воспоминаний
Я уехал к Иртышу.

Ощущаю их подспудно,
Хоть от них я далеко.
С ними мне бывает трудно,
И без них мне нелегко.

Озаренный светом дальним,
Подхожу я к Иртышу.
Ветерком континентальным
С наслаждением дышу.

Сквозь июль пахнул зимою
Ледовитый океан...
Здесь проходит под землею
Нефтяной меридиан.

Здесь все то, что есть и будет,
Этот век летящий наш,
И сегодняшние люди
И сегодняшний пейзаж.

Мост бетонный пятитонка
На своем везет горбу.
Не орел несет ягненка —
Вертолет несет трубу.

Здесь неожиданно озарится
Мир, где кто-то любит нас.
И непойманной жар-птицей
Над землей взлетает газ.

Он горит над Васюганьем,
За рекой и за горой
То ли северным сияньем,
То ли южною зарей.

И приходит к нам при этом
Все, что видится вдали,
Ощущение планеты
И бесценности земли.

Научусь ковать удачи,
Неудачей дорожить.
Здесь работать — это значит
Настоящей жизнью жить.

Теплоход сквозь сумрак ранний
В ночь уходит на Сургут...
Никаких воспоминаний —
Жизнь сегодняшняя тут!

СИБИРЬ

Край далекий,
Край, кому-то близкий, —
Тундра, степь, озера, лес — простор!
Если уж размах — размах сибирский:
От Приобья до Уральских гор.
Если уж тайга — до океана,
Если стойкость — стойкость кедрача,
Если поступь — поступь великана,
Если взмах, то со всего плеча.
Если выстрел — выстрел высшей пробы.
Если сеть — тяжеловесна сеть,
Если соболь — баргузинский соболь,
Если сельдь, то сосьвинская сельдь.
Если уж друзья — друзья навеки,
Если снег — сугробы выше крыш,
Если дождь, то закипают реки,
Если уж река, то сам Иртыш!
Если уж мороз — мороз особый,
Птица вниз летит осколком льда.
Если уж любовь — любовь до гроба,
Если уж разрыв, то навсегда.
Ах, размах сибирский — только эхо,

Если труд, то вдохновенный труд,
Если бой, то памятная вежа,
Если трасса, то Тюмень — Сургут!
Если вышки, то на всем просторе,
Нефть и газ — фонтаны до небес.
Если речка — будущее море,
Если ГЭС, то — больше Братской ГЭС.
Дай, Сибирь, свою красу и силу,
Твой размах мне близок и далек.
Если уж конек, то горбунок,
Если песня, то на всю Россию!

СЕБЕ

В небе мерцает синица,
В эти ладони стремится.
То, что сегодня приснится,
Завтра уже не приснится.

Рано ты годы итужишь,
Рано автографы множишь.
То, что сегодня ты сможешь,
Завтра уже ты не сможешь.

Птица то ниже, то выше,
Сердце то громче, то тише.
То, что сегодня напишешь,
Завтра уже не напишешь.

В небе мерцает синица,
В сердце надежда стучится:
То, что сегодня случится,
Завтра уже не случится!

СОДЕРЖАНИЕ

Февральский день	3
Я приезжаю в город Николаев	3
«Возвращаться в те места...»	4
Акация	4
Моя философия	6
Вознесение	6
На двадцать третьем километре	7
Спят неизвестные солдаты	8
Западная Двина	9
В городе Днепродзержинске	11
Гроза	12
Сосновый домик	13
В гостях у пчеловода	13
Теплоход	15
Бубенчик	15
Мне как-то не верится	16
Старая песня	17
«Ты родился для музыки и для любви...»	18
Соррентская песенка	18
Афродита	19
Старинный романс	20
Анна Керн	20
Отмечалось, отлюбили	21
Были встречи и разлуки	21
Любовь	22
Я завидую	22
«Вот пришли и твои юбилеи...»	23
Когда меня уже не будет	24
Люся Левина	24
Что б ни случилось	26
Телеграмма	26
Стихи	27
От своих воспоминаний	28
Сибирь	29
Себе	30

Марк Самойлович Лисянский

МОЯ АКАЦИЯ

Редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 20/II 1975 г. А 00562. Подписано к печати 15/IV 1975 г.
Формат 70×108^{1/32}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,60 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. 1021. Заказ № 263. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 4 коп.

Индекс 70668



**СЛЕДИТЕ
ЗА ИСПРАВНОСТЬЮ
ЭЛЕКТРО –
УСТАНОВОК**